

Дворянин, задержавшийся с отъездом

- Никита Владимирович, похоже, что в последнее время ваша "профессиональная окраска" слегка изменилась: давно не слышно новых песен Богословского, тогда как Богословский-литератор укоренился в общественном сознании довольно прочно...

- Я сейчас приостановил свою композиторскую деятельность. Мою оркестровую музыку (у меня восемь симфоний) играют, в общем-то, только за границей, потому что у нас и оркестров мало, и качество исполнения очень невысокое. А я композитор русский, и мне интересно, чтобы все это звучало на моей родине. Что касается песен - их просто петь некому. У нас есть сейчас пять-шесть певцов, которые остались верны песне в том понимании, в каком она существовала десятки лет. Я с большим интересом и уважением отношусь к рок-музыке, но я просто не умею этого делать. Вот почему я обратился к литературе, которая - чисто профессионально - сопровождала меня в течение многих лет: я еще до войны печатал стихотворные фельетоны. Сегодня литература просто вышла на первый план: появились в печати несколько моих книг: юморески, сатирический роман про кинематографистов и недавний плутовский роман "Завещание Глинки" - о композиторах, с предисловием Юрия Нагибина. Думаю, что после его прочтения половина моих коллег перестанет со мной здороваться, потому что там портретный элемент имеет большое значение.

- Ну к этому, я думаю, вам не привыкать - вы ведь известны как большой мастер розыгрыша. Кстати, удавалось ли кому-нибудь хорошенько "подколоть" вас в ответ?

- Один только раз я попался - надо сказать, довольно глупо. Мы делали спектакль с известным драматургом Исидором Штоком (я писал музыку), и был там один очень отрицательный персонаж. Я написал письмо Штоку от имени человека, чье имя, отчество и фамилия случайно совпали с этим персонажем. "Человек" просил заменить персонажу имя, потому что все знакомые стали на него нехорошо коситься. Подписался я соответственно, а адрес по рассеянности оставил свой. Вскоре я получил ответ: извините, редкое совпадение, произошло оно без всякого умысла и непременно будет исправлено. Я показывал его друзьям, рассказывал об этом розыгрыше и не понимал, почему они как-то подозрительно хихикают и отворачивают взоры. Наконец один из них сжался и посоветовал прочесть письмо акростихом: по первым буквам каждой строчки вниз. Сделав это, я получил крайне неблагоприятные сведения о моих умственных способностях. А было так: Шток прочитал мое письмо и показал его нашему общему другу, знаменитому футболисту Андрею Старостину. Тот поглядел-поглядел на конверт и говорит: что-то адресок знакомый... Но вы подумайте, как сложно было сочинить такой ответ!

- Никита Владимирович, а свое "генеалогическое древо" вы хорошо знаете?

- Вы о происхождении? Я потомственный дворянин. Мой дед был камергером императорского двора, служил "по министерству просвещения", мама заканчивала консерваторию у знаменитой пианистки Есиповой в Петербурге, дядя был премьером Мариинского театра, эмигрировал в восемнадцатом году со своей женой, знаменитой

певицей Кузнецовой-Бенуа, и пел за границей в русской опере. А оставшееся в России семейство после кировских событий "махнулы" из Петербурга, все уехали в Казань, а я был вызван в "большой дом" на Литейный, и подполковник (я почему-то помню!) Малий, уставший, видимо, от допросов человек, сунил мне бумажку, в которой говорилось, что я должен уехать в город Сыктывкар. Я подумал: а вдруг я не поеду? Про меня в суматохе забыли; и я так и остался в столицах. Хотя, судя по тому, что никто этой бумажки не отменял, я так до сих пор и должен туда отбыть, просто несколько задержался с отъездом.

- Судя по тому, что вы говорили о ваших родных, вы опровергаете известную "теорию" о том, что на детях природа "отдыхает".

- Более того, ее опровергает и мой сын Андрей, который закончил Литературный институт, напечатал в "Юности" две повести, вышел у него роман на очень странную тему - про морг, он прошел весь композиторский консерваторский курс и написал оперу типа рок-фантазии "Алые паруса", которую довольно много исполняли разные ансамбли (его либретто, стихи и музыка), в том числе и за границей. Сейчас он музыку бросил, перешел целиком на литературу. Хотя была у него одна очень знаменитая песня - "Рисуют мальчики войну" - может быть, знаете? Так вот, это Андрушкины стихи и музыка.

- Никита Владимирович, вы человек независимый и в жизни, наверное, привыкли лидировать?

- Да нет, я в основном отхожу в сторонку и хихикаю. Того, что называется школой, у меня нет (хотя, случалось, подражали мне какие-то люди, но не очень получалось), учеников у меня тоже нет (я пытался как-то профессорствовать в консерватории, после чего меня через месяц вызвали к директору и сказали: может быть, вы подадите "по собственному желанию", потому что студенты жалуются, что вы вместо занятий им анекдоты рассказываете). Никаких педагогических способностей у меня напрочь нет. Так что какой там лидер... Просто я, если можно так нахально выразиться, индивидуальность.

- Вы пережили все советские периоды, застали еще досоветский, теперь вот - постсоветский. Какой вам чаще всего вспоминается?

- Чаще всего мне, как правило, вспоминается вчерашний день. Вообще, если начать прокручивать в памяти все происшедшее, то придется прекратить всякую работу и только вспоминать - настолько много было людей, событий... Из детства, например, самое яркое впечатление - когда я пришел на день рождения к девочке, с которой познакомился в театре юных зрителей (мне было лет восемь, наверное, и жил я еще не в Ленинграде, а в Петрограде). Там собралась компания - я никого не знал, кроме Алика Менакера, и когда хозяйка сказала, что мы будем ужинать вместе со взрослыми, раздался гул разочарования. А хозяйка стала убеждать: там будут папины хорошие друзья, такие веселые и милые! Дядя Володя Маяковский, дядя

Миша Зощенко, дядя писатель Бабель, всякие музыканты и душа, который был заслуженным артистом еще при царе... А хозяина дома не было, он был артистом и еще не вернулся с концерта. Потом он появился, и мы про все забыли еще до ужина. Хотя и был он, с нашей точки зрения, совсем уже старый - двадцать девять лет! Звали его Леонид Осипович Утесов. Было очень весело, а больше всего нам понравились два дяди Володи - мы с Менакером сражались у них на шеях, как рыцари на конях. Кони носились по комнате и назывались так: дядя Володя Софроничский и дядя Володя Горюхи. Они тогда совсем молодые были - по 21-22 года...

- У нас в России любят говорить об особенностях ее развития, о ее "своем пути". Как вы считаете, существует ли некая "особость" русской музыки?

- Абсолютно характерная. Сейчас все смешалось, музыка стала более космополитичной, а вообще русский элемент в музыке всегда существовал. Иногда даже в тех сочинениях, где никаких отчетливо русских мелодий нет, есть какая-то специфическая манера, стиль, по которому вы точно русскую музыку определите. Может быть, это специфика эмоций, интонации... Русскую музыку можно было всегда узнать - за исключением тех случаев, когда композитор уже был "задан" как интернациональный - скажем, Прокофьев. У него есть и чисто русские сочинения, и сочинения, которые могли бы принадлежать композитору любой национальности. Так же и у Стравинского есть: начало чисто русское, а потом уже пошло куда-то в общечеловеческое - в национальном смысле. Так что национальность у композитора всегда где-то внутри влияет на творчество.

- Вам, наверное, нелегко примириться с сегодняшним днем. Вы сами себе не кажетесь порой человеком старомодным?

- Есть такое пошлейшее выражение: "Я шагаю в ногу с жизнью". В современности - так же, как и остальные, - я вижу много противного, глупого, неудобного, смешного - но это естественно, все так считают сейчас. Я не знаю, может, только начальство в восторге от ситуации? Я просто понял одну простую вещь: все уровни руководства заботятся только о себе.

- Кстати, о смешном: вас и в сегодняшней жизни что-то забавляет?

- Сегодня самое забавное, с моей точки зрения, - это действия верхов. "Бытовые" забавы затихли - они могут существовать при условии некоторой беззаботности, в ситуации, когда нет необходимости все время думать о завтрашнем дне.

Владимир МАРТЫНОВ

Арт-Фонарь: Стелсическое прик. к еженедельнику "Дружественный" - 1993 - № 6 - с. 4